

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛ В ПОСТСЕКУЛЯРНУЮ ЭПОХУ

О. В. Мащитько, С. М. Мащитько

Цель данной статьи – определить место религиозной символики в постсекулярную эпоху. Теория постсекуляризма утверждает, что религия в современном мире трансформируются, чтобы соответствовать современной социальной среде, оставаться важным социальным фактором [1]. Термин «постсекуляризм» был предложен Хабермасом в качестве коррекции секуляризма, утверждения, что религия исчезает из общественной сферы. В противовес тезису о секуляризме Хабермас утверждает, что религии являются источниками смысла и моральных норм, без которых общество не может обойтись, но они должны переводить свои позиции на язык, понятный и нерелигиозным людям [2]. Постсекулярная религиозность позиционируется как один из языков культуры.

Религиозный язык, соответствующий такому позиционированию, может быть только иконоборческим, поэтому одним из признаков языка постсекулярности мы называем пустоту символа. Под иконоборчеством в данном контексте мы подразумеваем, в широком смысле, разрушение образности как таковой. Его богословский аспект предполагает утверждение невозможности представления трансцендентного в имманентном (символ не может содержать символизируемое). Эстетический аспект – разрушение образности и принцип ухода от реальности, недоверие к видимости (обратная перспектива, деформации, символичность цвета, беспредметность).

Иконоборческий аспект постсекулярной религиозности выполняет сразу несколько функций, обеспечивающих соответствие религии современной социальной среде. Это и нивелирование различий (утверждение тождественности смысла всех символов), облегчающее диалог религий, и унификация (эксперименты по объединению и наложению символов разных эпох и культур, а также тезис о единстве всех религий), обеспечивающая интеграцию религиозных форм в глобальную культуру, и устранение дуализмов (трансцендентного и имманентного, высокого и низкого, реального и виртуального) – обеспечивающее совместимость религиозного и светского дискурсов.

Отрицание взаимодействия трансцендентного и имманентного трансформируется в принцип сведения первого ко второму, девальвации трансцендентного. Современное иконоборчество есть характеристика культуры с преобладанием образов без содержимого. В постсекулярной религиозности это проявляется в обилии размытых понятий и символов, которые не выражают ничего конкретно (духовность, Абсолют). Недоверие к видимости в сочетании с принципом девальвации

трансцендентного трансформируется вне связи с сущностью предмета, скрывают пустоту.

Иконоборчество можно описать как редукцию символа к симулякру. Пустота символа постсекулярной религиозности является одним из аспектов пустоты знака в культуре постмодерна, а иконоборчество становится важнейшим средством постмодернистского монистического восприятия реальности. Главное свойство симулякра – мнимое присутствие, это пустая форма, знак без содержания, когда внешние проявления предшествуют сущности. Радикальной стратегией замены репрезентационистской модели знака является элиминирование означающего (Делез). Делез видит диктат даже в детерминизме означающих, связанных узлами взаимного конституирования, кодирования и перекодирования. Так он совершенно отказывается от основы лингвистики Соссюра, придерживаясь концепции асигнификативного знака. Знак, по сути дела, есть вещь, поскольку он репрезентирует сам себя, что является свойством именно вещи: «...существует язык декодированных потоков, составляющий противоположность означающему... Фигуры этого языка не имеют никакого отношения к означающему, ни даже к знакам как минимальным элементам означающего, это не-знаки, точнее, неозначающие знаки, знаки-точки с множеством измерения, это шизы или потоки-прерывы...» [3], «Симулякр – именно дьявольский образ, лишенный подобия; или, скорее, в противоположность иконическому образу, он поместил подобие снаружи, а живет различием» [3]. Знак вообще не осуществляет никаких отсылок; означающее окружено вовне фигуративными образами, оно зависит от фигурных эффектов, складывающихся из нефигуративных фигур конфигурации образов. Это шизофренический язык, рассматривать означающее как означаемое – по сути, то же самое, что рассматривать слова как вещи, что зачастую характеризует шизофренический опыт. Но если в данном случае подбирать непатологические аналогии, то такую же свободу от дискурсивности мы находим в языке математики и языке искусства, на которые явно ориентирована данная концепция.

Таким образом, постсекуляризм, утверждая необходимость приспособления религиозного языка к современной социальной среде, предполагает девальвацию религиозной символики, лишение ее метафизического и смыслового содержания. Главным следствием является исчезновение трансцендентного измерения религиозного символа. Визуальные образы постсекулярной религиозности не иконичны. Например, экуменические символы, памятники архитектуры представляют собой искусственные интеллектуальные конструкции [4]. Их нельзя переживать, можно только истолковывать. Они не служат источником религиозного опыта. Их задача – простая демонстрация единства религии через нагромождение традиций, каждая из которых имеет свою историю,

свой дух. Возводится для демонстрации того, что представленные традиции в принципе можно соединить воедино [5].

Являясь универсальной характеристикой современной культуры, в рамках постсекулярной религиозности иконоборчество предполагает пустоту символа, трансформацию символа в симулякр, подмену трансцендентного опустошенными внешними формами; самодостаточность видимых образов, их существование без связи с сущностью; обилие образов без содержимого и понятий, которые ничего конкретно не выражают; функционирование религиозных символов в качестве имиджей, брендов, маркетинговых ходов, перформансов, призванных продемонстрировать тезис о том, что каждая религия – повторение одного и того же разными способами; положение о тождественности смысла символики всех религий, эксперименты по объединению и наложению символов разных эпох и культур, невнимание к ритуальной стороне, лишение ее метафизического и смыслового содержания.

Литература и источники

1. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / P. Berger [et al.] ; ed. : P. Berger. – Washington : Ethics and Public Policy Center, 1999. – 143 p.
2. Хабермас, Ю. Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер (Бенедикт XVI). – М. : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.
3. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения. Введение: ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm>. – Дата доступа: 21.03.2016.
4. Richman, N. I. What does it feel like to be post-secular? Ritual expressions of religious affects in contemporary renewal movements / N. I. Richman // International Journal of Philosophy and Theology. – 2018. – Vol. 79.
5. Grab, W. The Transformation Of Religious Culture Within Modern Societies: From Secularization To Postsecularism / W. Grab // Exploring the Postsecular. The Religious, the Political and the Urban. – 2010.